

- Petrovskij, V. A.* Lichnost' v psihologii: paradigma sub'ektnosti : monografija [Elektronnyj resurs] / V. A. Petrovskij. — Rezhim dostupa: <https://www.twirpx.com/file/994394/>
13. *Рубинштейн, С. Л.* Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — СПб. : Питер, 2003.
- Rubinshtejn, S. L.* Osnovy obshhej psihologii / S. L. Rubinshtejn. — SPb. : Piter, 2003.
14. *Соколов, А. Г.* Монтаж: телевидение, кино, видео / А. Г. Соколов. — М. : Изд-во 625, 2000. — Ч. 1.
- Sokolov, A. G.* Montazh: televidenie, kino, video / A. G. Sokolov. — M. : Izd-vo 625, 2000. — Ch. 1.
15. *Dennison, P.* Danny and the Birth of Brain Gym [Electronic resource] / P. Dennison. — Mode of access: <http://heartsatplay.com/author/pdennison/>
16. *Iurato, G.* On Collingwood's historicism [Electronic resource] / G. Iurato. — Mode of access: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-00921948/document>
17. *Zazzo, R.* Une recherche d'equipe sur la debilite mentale [Electronic resource] / R. Zazzo // Enfance. — 1960. — Vol. 13, №4-5. — P. 335—364. — Mode of access: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:1NE0BsvlRQcJ:www.periodicos.udesc.br/index.php/linhas/article/download/1268/1079+&cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>

А. А. Реан, И. А. Коновалов

Проблема вовлеченности детей и подростков в криминальные субкультуры в зарубежных исследованиях

В статье рассматривается проблема вовлеченности детей и подростков в криминальные субкультуры в рамках зарубежных исследований. Особое внимание уделяется анализу показателей вовлеченности в делинквентные сообщества в контексте различных категорий стран и специфики возраста. Также рассматриваются данные, касающиеся специфики правонарушений, совершаемых представителями подростковых и молодежных девиантных сообществ в различных странах. Особое внимание уделено анализу факторов риска вовлеченности подростков в криминальные субкультуры и их значимости.

Ключевые слова: подростки, криминальные субкультуры, подростковые делинквентные сообщества, факторы риска.

Пространства социализации детей и подростков в настоящий момент существенно диверсифицируются: в ситуации, когда не существует единой «правильной» траектории взросления [4], влияние различных сред социализации требует самостоятельной оценки. *Улица* является одной из сред социализации, в которой происходит значительная часть взаимодействия со сверстниками. В некотором смысле конкурирующей средой, в плане взаимодействия со сверстниками, является *Интернет*. Как улица, так и Интернет могут выступать фактором риска возникновения различных форм асоциального поведения. В частности, в случае, когда референтная группа сверстников, столь важная для формирования личности в данном возрасте, носит асоциальный характер [5]. Крайней формой негативного влияния улицы как пространства социализации является вовлечение подростка в делинквентные сообщества и преступные группировки.

Проблема вовлеченности детей, подростков и молодежи в криминальные субкультуры и группировки в настоящий момент охватывает широкий круг крайне разнообразных явлений, имеющих свою специфику. Среди исследователей и практиков нет единого мнения по вопросу определения понятий «криминальная субкультура», «молодежная преступная группировка». В зарубежной литературе общеупотребимым является термин «gang» (банда), исследования с данным ключевым словом концептуализируют явления, связанные с подростковой преступностью, преимущественно происходящей на улице или в публичных местах.

Актуальным вопросом является также разграничение специфики вовлеченности в *подростковые группировки* и радикальные и/или *террористические*

организации. В первом случае группой риска в большей степени являются подростки до 14 лет, во втором — подростки и молодежь от 15 до 24. Однако границы между этими явлениями в некоторой степени размыты.

Базовыми характеристиками, используемыми в глобальном научном контексте, отличающими *молодежную преступную группировку* как наиболее общее явление, можно считать следующие особенности [20; 35]:

- устойчивость во времени (durability) лояльности группе;
- ориентированный на «улицу» стиль жизни (активность группы, ориентированную на публичные места);
- возраст участников (подростки и молодежь около 20 лет и меньше);
- «нелегальную активность» (делинквентное или криминальное поведение);
- наличие групповой идентичности.

К иным характеристикам, которые являются значимыми, однако могут варьироваться, относятся следующие особенности: размер группировки, структура, этническая принадлежность, символика, гендер, целостность и организованность (cohesiveness) [20].

Разграничение между преступными группировками и радикальными террористическими организациями в современных исследованиях концептуализируется по ряду параметров. Представители *преступных группировок* в подавляющем большинстве *не руководствуются политическими или религиозными мотивами, в отличие от радикальных террористических организаций*, при этом, согласно S. H. Decker, «преступные группировки не должны быть радикализованными, для того чтобы быть опасными» [21. Р. 5]. Отметим также, что Интернет и социальные медиа не играют существенной роли в процессе вовлечения в преступные группировки, в отличие от радикальных террористических организаций, в которых вовлечение посредством социальных медиа является ключевым фактором [Там же. Р. 6].

Ниже будет рассмотрена проблематика вовлеченности детей и подростков в возрасте 12—14 лет в преступные группировки и криминальные субкультуры.

Подростковые и молодежные криминальные субкультуры в различных странах

В США выделяются следующие виды преступных группировок: *тюремные группировки* (Prison gangs), *банды мотоциклистов* (Motorcycle gangs), *группировки, занимающиеся организованной преступностью* (Organized crime gangs), *подростковые группировки* (Juvenile gangs), *группировки, состоящие из представителей одной этнической группы* (например, Hispanic gangs).

В каждый из указанных выше видов подростковых группировок могут входить подростки и представители молодежи. Однако остановимся несколько подробнее только на *группировках несовершеннолетних* (Juvenile gangs). Преступные группировки состоят из несовершеннолетних, объединяющихся и занимающихся преступностью по социальным и экономическим причинам — поиску безопасности, с одной стороны, и экономическим мотивам (желанию «заработать» денег) — с другой. Многие известные преступные организации в США изначально существовали как подростковые группировки. Наиболее известной подростковой группировкой в США на данный момент является *North Jersey Cross Kids*.

Информация о преступных группировках в *Латинской Америке и странах Карибского бассейна* известна преимущественно из СМИ, сводок правоохранительных органов и свидетельств очевидцев, нежели на основе строго собранных исследовательских данных. В указанном регионе выделяют два типа преступных группировок: *pandillas* и *maras*, каждая из которых связана с определенным паттерном преступности конкретного региона [33]. *Pandillas* возникли в Центральной Америке в противовес другим группировкам. Они являются своеобразными «охранниками» определенной территории, однако существуют данные, что данное положение дел изменилось [54]. *Pandillas* широко распространены в Центральной Америке, и особенно в Никарагуа и Коста-Рике [33; 47].

Из типа *maras* наиболее известными являются такие группировки, как *Mara Salvatrucha* (MS-13) и *Mara Dieciocho*, изначально появившиеся в штате Калифорния (США). СМИ определяют их как «транснациональные группировки» и связывают их широкое распространение в Центральной Америке с миграционной политикой США, в рамках которой наиболее агрессивные представители различных этносов были депортированы на родину. Открытым остается вопрос, касающийся их управления в условиях транснациональной распространности. По официальным оценкам, в Эль-Сальвадоре насчитывается порядка 10 500 членов группировок *maras*, 14 000 — в Гватемале, 36 000 — в Гондурасе, 2 200 — в Никарагуа и 38 000 — в США [20].

Изучение подростковых и молодежных группировок в *Канаде* фокусируется вокруг двух «объединений»: *The Hells Angels* и *The Rival Alliance Group*, которые к началу XXI в. ответственны за более чем 120 убийств и 130 покушений на убийства [32].

Европейские подростковые и молодежные группировки меньше по составу, менее организованы и демонстрируют более низкие показатели преступности, нежели в США [20; 32].

Отметим, что в рамках исследований в Европе достаточно редко используется термин «gang», во время сбора материала речь идет о подростковых субкультурах, сетях знакомств (круге общения) и проблемном поведении [11].

Ситуация с активностью подростковых и молодежных группировок в г. *Манчестер (Великобритания)* существенно выделяется по сравнению со всей остальной Европой [16]. С 1997 по 2002 г. в Манчестере было зафиксировано более 270 случаев применения огнестрельного оружия, 60 % из которых связаны с активностью молодежных преступных группировок. Наиболее известными подростковыми группировками в Манчестере являются *Gooch Gang* и *Doddington Gang* [42].

Рассмотрим ситуацию в Восточной Европе на примере *Греции*. Деятельность молодежных и подростковых группировок в Греции по параметру организованности несопоставима с активностью группировок США и Великобритании. В Греции подростковые преступные группировки представляют собой группы людей, вовлеченные в преступную активность, однако данные объединения изначально не были организованы с данной целью и их представители не идентифицируют себя с определенной символикой [28].

Исключение составляет экстремистская правая группировка *Golden Dawn*. Данная организация распадается на сеть локальных группировок, рекрутирую-

щих своих потенциальных членов в школах. Остальные группировки связаны преимущественно с наркоторговлей и проституцией [28].

L. Zhang [55] выделяет 4 ключевые характеристики молодежных преступных группировок в *Китае*:

- 1) «низкую» организованность группировок, мало похожую на типичные организованные группы;
- 2) недолговременное пребывание в преступных группировках, зачастую связанное с возрастом (группа риска — подростки 12—14 лет);
- 3) территориальную привязку преступных группировок;
- 4) подростковую преступность, происходящую в основном в общественных местах и не являющуюся особо серьезной (однако часть преступлений карается очень сурово в соответствии с китайскими законами).

За исключением серьезности преступлений характеристики схожи с показателями в США и Европе. Отдельно рассмотрим ситуацию в *Гонконге*.

Исторически в Китае организованная преступность возникла в виде группировок, которые назывались «триады». Деятельность данных группировок характерна и для настоящего момента, в частности, в Гонконге. Тем не менее сегодня триады не являются единой сетью, однако, адаптировавшись под особенности настоящего времени, их активность *приобрела черты интернациональности и коммерциализировалась* [38]. В настоящий момент в Гонконге молодежные преступные группировки получают поддержку от существующей сети триад, в том числе и финансовую, и, как следствие, организационную [39]. Коммуникация происходит через отдельных представителей, входящих в организации различного порядка. Было установлено, что большинство подростковых и молодежных группировок в настоящий момент в Гонконге действуют под руководством триад. Активность триад в Гонконге сложилась исторически и сохраняется через связь поколений [39].

В отечественных исследованиях проблема группового делинквентного поведения была концептуализирована в терминах «подростково-молодежного делинквентного сообщества» [7], используемого наравне с термином «группировка», употребляемого аналогично понятию «gang» [9].

В рамках указанных исследований были рассмотрены так называемые группировки «казанского типа», отличительными чертами которых являются территориальная привязанность, этническая гетерогенность, связь с организованной преступностью, репрезентация и воспроизводство тюремных норм и ценностей [7].

Проблема групповой обусловленности подростковой и молодежной преступности рассматривалась в рамках таких работ, как «Психология девиантности: дети, общество, закон» [5], «Асоциальное поведение детей и подростков» [3], «Социальный контроль над девиантностью в современной России» [2]. Актуальный вопрос распространенности и специфики «тиражирования» символики молодежных делинквентных сообществ на примере группировки АУЕ стал предметом изучения в работе Е. А. Антомян и Е. А. Борисова [1], в рамках которой была проведена оценка каналов распространения символики группировки АУЕ, а также возможных траекторий вовлечения потенциальных членов указанного преступного сообщества.

Специфика подростковых группировок в психологическом и социологическом контексте выступила предметом ряда диссертационных работ, напри-

мер «Социально-психологические особенности идентичности подростков — участников территориальных группировок» [8], «Подростково-молодежная делинквентность в современной России» [10] и др.

Показатели вовлеченности в криминальные субкультуры в подростковой и молодежной среде в развитых странах (США, Европа, Австралия)

В рамках International Self-Report Delinquency Study [31] была проведена оценка мировых тенденций вовлеченности подростков в криминальные группировки и субкультуры. Согласно полученным в рамках указанного проекта данным, распространенность вовлеченности в преступные группировки колеблется от 4 до 17 % [31].

Ввиду того что изучение вовлеченности подростков в подростковые группировки в США имеет долгую историю, за которую накоплено множество данных из разнообразных источников — от аналитики преступной статистики до широкомасштабных криминологических и социологических исследований, данные о подростковой преступности в США, и в частности статистика вовлеченности подростков в криминальные сообщества и группировки, используются как «система отсчета» для межстрановой статистики.

Согласно результатам исследования D. Ryooz и G. Sweeten [45] в США порядка 1 059 000 подростков и представителей молодежи вовлечены в криминальные преступные группировки. Наиболее опасным возрастом с точки зрения риска вовлечения является подростничество, а точнее, 14 лет. Согласно данным из указанного исследования, от 204 000 до 639 000 детей, подростков и представителей молодежи ежегодно вступают в преступные группировки и субкультуры, а порядка 199 000—599 000 прекращают активное взаимодействие с ними (рис. 1) [45].

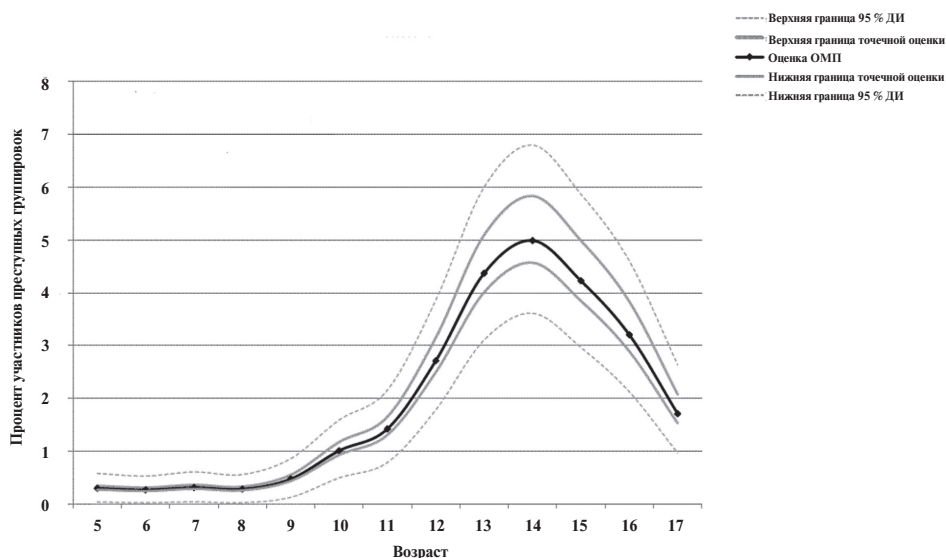

Рис. 1. Вовлеченность в преступные группировки в контексте возраста в США (по: [45]): ДИ — доверительный интервал; ОМП — оценка максимального правдоподобия; верхняя/нижняя граница точечной оценки — конкретные данные из различных опросов

Частота и степень проявления насилия, совершенного молодежными преступными группировками, в *Европе* существенно ниже, чем в США. Согласно данным исследований, реализованных в рамках проекта Eurogang Network, молодежные преступные группировки были обнаружены в 50 европейских городах и 16 европейских странах [36].

Был реализован ряд исследовательских проектов, посвященных межстрановым сравнениям деятельности молодежных группировок в США и Европе. В рамках одного из проектов было проведено сравнение тенденций среди молодежи г. Денвера (штат Колорадо, США) и г. Бремена (Германия) [32]. Было выявлено, что 14 % подростков из Денвера идентифицируют себя как представителей преступных группировок, в Бремене этот показатель составил 13 %. В обоих случаях подростки, идентифицировавшие себя с преступными группировками, сообщили о существенно большей степени вовлеченности в активность, связанную с проявлением насилия и делинквентным поведением. На обеих выборках было установлено, что подростки, вовлеченные в активность криминальных субкультур, демонстрируют четырехкратное превышение показателей насилия и делинквентного поведения по сравнению с невключенными вне зависимости от страны [32].

В ходе другого исследования, выполненного в рамках аналогичной методологии, было проведено сравнение показателей между американскими и голландскими подростками [27]. Американская выборка состояла из 6 000 респондентов, данные были собраны с помощью опросов, проводившихся в школах в 11 городах. Голландская выборка состояла из 2 000 респондентов, сбор данных проходил в сопоставимых с процедурой, реализуемой в США, условиях.

Результаты в данном исследовании были сходны с результатами, полученными на выборке из Денвера и Бремена: в частности, респонденты, сообщившие о вовлеченности в преступные сообщества, характеризовались непропорционально более высокими показателями совершения насилия и делинквентного поведения. Соотношение показателей невовлеченных и вовлеченных респондентов также оказалось около $1 к 4$ [27]. Диспропорция в показателях делинквентности и насилия сохраняется также согласно данным аналогичных исследований в Европе, в частности, даже на выборке уже задержанных подростков в Англии и Уэльсе [12] и на подростковой выборке в Эдинбурге (Шотландия) [49].

Приведенные данные являются важными, ввиду того что позволяют провести сравнения как между странами, так и между подростками и молодежью, как включенными, так и не включенными в активность преступных группировок. Несмотря на то что эти данные в некотором смысле опровергают сложившееся представление о том, что молодежные преступные группировки в Европе менее жестоки и в меньшей степени демонстрируют делинквентное поведение по сравнению с таковыми в США, качественные исследования в Европе подтверждают исходную точку зрения [12]. К примеру, указание на данные о причастности к совершению убийств молодежными преступными группировками практически отсутствует в европейских сведениях; в работах, проведенных в США, зафиксированная доля участия молодежных группировок в совершении убийств достаточно высока. Несмотря на то что как в Европе, так и в США типичными являются конфликты между молодежными преступными группировками, раз-

личием является то, что в Европе гораздо меньше уровень частоты применения огнестрельного оружия по сравнению с США и даже Канадой.

Данные относительно подростковых группировок в *Австралии* существенно возросли в последние годы за счет запуска проекта The OzGang Research Network. Термин «gang» используется также в контексте описания подростковых субкультур и этнических групп, для которых характерно асоциальное поведение [53].

Согласно исследованиям, проведенным в таких городах, как Аделаида, Перт, Мельбурн и Сидней, процент вовлеченности в молодежные группировки и особенности проявления асоциального поведения по показателям сопоставимы с развитыми европейскими странами. Этнические конфликты и конфликты на расовой почве наиболее характерны для больших городов Австралии, в которых существуют места проживания этнических меньшинств [53]. Было также выявлено, что причинами убийств, совершаемых представителями преступных группировок, становятся явления, связанные с активностью именно позиции группировок: защита территории и отстаивание внутригруппового статуса [53].

Показатели вовлеченности в криминальные субкультуры в подростковой и молодежной среде в развивающихся странах (на примере стран Африки и Китая)

Наименьшее количество данных относительно вовлеченности подростков и молодежи в преступные группировки собрано в странах Африки и азиатских странах. Во многом это происходит оттого, что проблема в меньшей степени привлекает внимание ученых, политиков и СМИ, чем в США и Европе.

Деятельность преступных группировок в Латинской Америке, представителями которых являются подростки и молодежь, зачастую рассматривается в контексте проблем оборота наркотиков в стране, к которой привлечено внимание правительства. Отметим, что исследовательская методология, распространенная в США и ЕС, пока не применяется широко в рассматриваемом классе стран.

Проблемы, связанные с насилием в *Африке*, существуют в контексте проблем внутренней политики — во многих странах сохраняется напряженная обстановка. В связи с этим явления, связанные с преступными группировками, достаточно сложно отличить от гражданских конфликтов политического характера. Вовлеченность подростков и молодежи была выявлена в таких африканских странах, как Кения, Либерия, Нигерия, ЮАР и Уганда [18]. Так, в ЮАР история преступных группировок восходит к 1920-м гг., к периоду постапартеида [37]. В настоящий момент количество преступных группировок в ЮАР увеличивается, выявлена взаимосвязь между опытом пребывания в местах лишения свободы и вовлеченностью в преступные группировки [13].

Представители подростковых группировок в ЮАР проявляют множество видов асоциального поведения — от взяточничества и вовлеченности в территориальные распри до воровства, вымогательства, нападений и убийств [22]. На материале интервью с учителями в Западно-Капской провинции ЮАР был выявлен общий контекст деятельности подростковых преступных группировок, а также их противоправной активности в школах (в частности, школьных дворах) и территориях проживания [46]. В рамках другого исследования на территории Западно-Капской провинции ЮАР было выявлено 137 преступных группировок, в которые вовлечены в том числе подростки и молодежь,

ответственные за 40—60 % преступлений, связанных с насилием на данной территории [46].

Историческая изоляция китайского общества от мировых тенденций в массовой культуре, в частности в молодежных и подростковых субкультурах, коренным образом изменилась. Негативные изменения связаны в первую очередь с возрастанием показателей преступности, ввиду того что жители Китая тяжело адаптируются к новому порядку и возрастающим глобальным влияниям на повседневную жизнь, а следовательно, и на поведение отдельных индивидов [55]. Указанные факторы обусловили необходимость оценки и анализа последствий распространенности молодежных преступных группировок в *Kumae*.

Данные, касающиеся вовлеченности подростков в криминальные группировки в Китае, являются достаточно разнородными. Наиболее репрезентативным можно считать исследование, проведенное на выборке 2 500 респондентов из 6 школ г. Чанчжи (Changhi), в котором проживает 3,5 млн жителей. Согласно полученным данным, 44 % респондентов не указали на совершение делинквентных действий. На совершение преступных действий было указано 20 % респондентов. Около 10 % респондентов сообщили о вовлеченности в разнообразные виды преступной активности [44].

Отдельно рассматривалась вовлеченность подростков в группировки, операционализированная через вопрос: «Могли бы Вы назвать себя или своих друзей “бандой” (gang)?» Актуальную вовлеченность или опыт вовлеченности ранее указали 10 % от общей выборки, из них 66 % актуально вовлечены, 34 % были вовлечены ранее [44].

Различия между вовлеченными (или ранее вовлеченными) и не вовлеченными в преступные группировки респондентами указывают на вариабельность склонности к делинквентности и опыта совершения правонарушений и разных форм насилия [44]. Для Китая характерен следующий паттерн представителя преступной группировки — с большей вероятностью это юноша, 69 % респондентов из рассматриваемой категории указали мужской пол, для них характерна тяжелая ситуация в семье, выражающаяся, в частности, в высокой частоте семейных конфликтов с применением физической агрессии. Важным параметром оказались заниженные навыки самоконтроля и неприятие своего учебного учреждения как надежного и безопасного места [44].

Статистика и типология подростковых правонарушений представителями криминальных субкультур

Говоря об общих тенденциях, связанных с деятельностью подростковых группировок, можно выделить следующие тренды, характерные для рассмотрения проблемы в глобальном контексте [20]:

- уровень частоты использования оружия представителями молодежной преступной группировки связан с доступностью оружия в стране, в которой преступная группировка проявляет активность;
- мотивы совершения преступлений — расовые или этнические конфликты, экономическая выгода (получение денег), поддержание авторитета и власти — наиболее типичны для различных стран;

— наиболее часто жертвами преступлений становятся сами же представители преступных группировок.

В США порядка 25 % убийств от общего числа в крупных городах совершаются представителями преступных группировок, членами которых являются в том числе подростки и молодежь (рис. 2) [20].

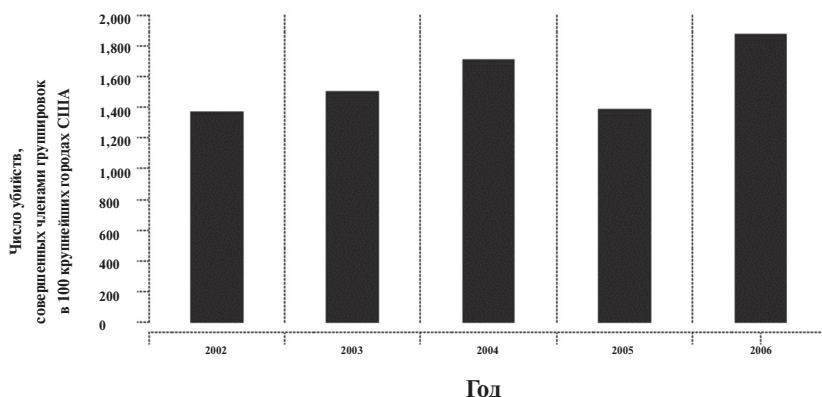

Рис. 2. Количество убийств, совершенных представителями преступных группировок в 100 наиболее крупных городах США (по: [20])

Преступность подростковых группировок также представлена в Канаде, однако масштабы выраженности последствий несопоставимы с таковыми в США. Согласно статистике, в Канаде с 1992 по 2000 г. зафиксировано порядка 7 000 представителей преступных группировок, большая часть которых проживала в провинции Онтарио. Количество убийств, совершаемых преступными группировками, за год росло с 19 до 72 в указанный период времени, а в дальнейшем снижалось до 45 [46]. Согласно статистике, из убийств, совершаемых в Канаде, одно из 13 совершается представителями преступных группировок [48]. К 2005 г. количество убийств, совершаемых представителями молодежных преступных группировок, достигло пика — 107 [19]. Убийства, совершаемые представителями преступных группировок, с большей вероятностью возникают в публичных местах, и часто как нападающими, так и жертвами являются молодые люди [19].

В Китае показатели подростковой и молодежной делинквентности существенно увеличились за последние 30 лет — в 1990 г. количество несовершеннолетних, совершивших преступления, было 42 033, к 2013 г. этот показатель возрос до 55 817, иными словами, был зафиксирован рост более чем на 33 % [50]. Согласно оценочным данным, полученным в одной из китайских провинций, около 50 % правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, осуществляется подростками и молодыми людьми, входящими в состав преступных группировок [50]. Согласно выборочным данным D. Rygooz и S. Decker, полученным на основе исследования в г. Чанчжи, из выборки указавших причастность к преступным группировкам 11,2 % респондентов сообщили о хранении оружия, 8,1 % — о нанесении телесных повреждений с целью причинения вреда, 6 % — о нападении с оружием, 3 % — об использовании оружия с целью

вымогания денег, 13,5 % указывали на участие в разборках между преступными группировками [44].

В странах *Латинской Америки и Карибского бассейна* подростковая преступность широко распространена. Тем не менее выделение точных показателей по конкретным видам преступлений, совершенных именно несовершеннолетними представителями подростковых группировок, оказывается проблематичным. Однако отметим, что представители указанного класса стран имеют наибольшие показатели по совершению убийств на 100 000 человек (по данным за 2004 г.): Бразилия (28,5), Колумбия (53,3), Доминиканская Республика (20,5), Эль-Сальвадор (56,9), Гватемала (31,3) и Мексика (11,1). Указанные показатели существенно превосходят показатели не только европейских государств и Канады, но также и США [52]. Актуальной темой для данных государств остается тема вовлеченности несовершеннолетних в преступления, связанные с оборотом наркотиков [20].

Факторы риска вовлеченности детей и подростков в криминальные субкультуры

Согласно результатам исследований наиболее существенными факторами риска вовлечения в преступные группировки являются: наличие друзей и знакомых в криминальном мире [35], низкая родительская вовлеченность в жизнь ребенка и низкий контроль со стороны взрослых, наличие установок, оправдывающих асоциальное поведение, наличие травмирующих событий. Возраст 12 лет является наиболее чувствительным для своевременного вмешательства [45].

Вовлеченность подростков в криминальные группировки имеет ряд свойств:

- 1) вовлеченность в преступные группировки является фасилитирующим фактором количества совершения преступлений: частота преступных действий статистически значимо выше в периоды активного участия в деятельности преступных группировок и ниже, когда субъект выходит из них;
- 2) членство в преступных группировках обычно является непродолжительным и длится менее двух лет;
- 3) постоянный набор факторов риска связан с риском вступления в преступную группировку.

Существует достаточно большой пул исследований, посвященный оценке факторов риска попадания подростка в преступные группировки.

Рассматриваемые исследования во многом сходны с методологической точки зрения, т. к. посвящены оценке выраженности показателей, связанных с факторами риска, между респондентами, сообщившими об опыте вовлеченности в преступные группировки и не сообщившими о нем.

Факторы риска укоренены в среде, в которой существуют и воспитываются ребенок и подросток. Рассматриваемые в ряду исследований факторы группируются в пять больших кластеров: *индивидуальные особенности, семейные факторы, особенности школы, круг общения сверстников, особенности сообщества и территории проживания.*

К *кластеру индивидуальных особенностей* относятся такие факторы, как самооценка, склонность к тревожным расстройствам, наличие убеждений, оправдывающих асоциальное поведение и насилие, восприятие временной перспективы жизни, наличие опыта переживания травматических событий, склонность к отклоняющемуся поведению в более раннем возрасте.

К *семейному кластеру* относятся привязанность, структурные особенности семьи (с кем живет ребенок), наличие/отсутствие контроля со стороны родителей, стиль родительского воспитания (враждебность со стороны родителей), склонность членов семьи к девиантному поведению, социально-экономический статус семьи (в частности, бедность).

К *школьному кластеру* можно отнести такие факторы, как вовлеченность/невовлеченность в школьную жизнь, преданность школе/ее отсутствие (attachment), наличие/отсутствие академических успехов, небезопасная школьная среда.

Факторами, относящимися к *кругу общения* (peers), являются особенности знакомств (characteristics of peer networks) и эмоциональная составляющая отношения к своим знакомым (affective dimensions of networks).

Для *кластера особенностей сообщества и территории проживания* релевантными рассматриваются различные показатели криминогенности среды.

Частоты выборов того или иного фактора в качестве предиктора вовлеченности подростков в криминальные группировки существенно различаются в рамках существующего пула исследований, посвященных данной проблематике. Наиболее популярными среди всех предикторов оказываются факторы, связанные с *негативным влиянием сверстников, семейные и индивидуальные особенности*. В меньшей степени рассматриваются характеристики среды и особенности местного сообщества, в котором проживает подросток.

В кластере индивидуальных особенностей наиболее значимыми оказываются такие факторы, как опыт переживания травмирующих событий [30; 40; 41]. Выявлена также значимость склонности к негативным переживаниям (подверженность тревоге и/или депрессии) [26; 30].

Однако данные, касающиеся значимости данного фактора, не являются согласованными: в нескольких исследованиях гипотеза о том, что склонность к негативным переживаниям (тревоге и депрессии) является предиктором вовлеченности подростка в преступные группировки, не получила подтверждения [17; 29].

В ряде исследований выявлена значимость такого фактора, как *склонность к отклоняющемуся поведению в более раннем возрасте* [15; 17; 25; 26; 27; 30; 40; 41; 49; 51; 54].

В некоторой степени парадоксально, однако фактор наличия убеждений, оправдывающих асоциальное поведение и насилие, был расценен как значимый предиктор вовлеченности в преступные группировки только в части исследований из всего пула [25; 26; 27]. В исследовании С. L. Maxson, M. W. Klein и M. L. Whitlock [40] указанная выше гипотеза подтверждения не получила.

Отсутствие положительных установок относительно своего будущего оказалось значимым фактором вовлеченности подростков в преступные группировки только в одном исследовании [23], в то время как в ряде исследований гипотеза подтверждения не получила [25; 34; 40; 41].

Семейные характеристики классически считаются фактором как риска, так и профилактики подростковой девиантности и делинквентности. Однако в рамках рассматриваемого пула исследований получены достаточно разнородные данные, касающиеся влияния и связи различных показателей семейного благополучия или неблагополучия с вероятностью вовлеченности детей и подростков в криминальные субкультуры и группировки.

Так, фактор структурных особенностей семьи (проживание только с одним из родителей) оказался значимым предиктором вступления подростков в преступные группировки только в четырех исследованиях [26; 30; 41; 49], в большем количестве работ значимость влияния данного фактора не установлена [15; 17; 24; 40; 43; 54].

Значимость фактора привязанности к матери выявлена в работах [26; 27; 40]. Гипотеза о привязанности к матери как факторе риска вовлеченности в преступные группировки не получила подтверждения в значимом количестве работ, посвященных данной проблематике [14; 17; 24; 25; 29; 40].

Наиболее значительная доказательная база была получена в отношении связи фактора родительского контроля (parental supervision) как предиктора вовлеченности подростков в преступные группировки [17; 25; 26; 27; 30; 31; 40; 49]. Тем не менее есть исследования, в рамках которых влияние данного фактора подтверждения не нашло [14; 15; 51].

Данные о значимости фактора родительского стиля и враждебной обстановки в семье (parental style/hostile family environment) получены только в половине из всего пула исследований, посвященных данной проблематике [17; 34; 49]. В некоторой степени парадоксально, однако аналогичная ситуация складывается и в отношении фактора девиантности семьи [40; 41].

Гипотеза о связи фактора социально-экономического статуса семьи (в частности, бедности) и вовлеченности в преступные группировки, согласно данным зарубежных исследований, не подтверждается в большем количестве работ, нежели подтверждается [14; 15; 24; 40; 41; 43].

Наиболее надежные и подтвержденные данные, полученные во множестве работ на материале различных стран и с использованием как лонгитюдных исследований, так и кросс-секционных, получены в отношении *влияния фактора особенностей круга общения подростка* (characteristics of peer networks) *на вероятность вовлеченности подростков в криминальные группировки* [14; 15; 17; 24; 25; 26; 27; 29; 30; 40; 41; 49; 51].

Вариабельность значимости большинства факторов, за исключением параметра особенностей круга общения подростка (characteristics of peer networks), не случайна. Безусловно, все рассмотренные выше показатели в той или иной степени являются факторами риска вовлеченности подростков в криминальные группировки, однако центральным моментом является предпочтение *альтернативного способа социализации* в случае, когда она происходит «через улицу» и ролевыми моделями выступают люди, связанные с криминальным сообществом. В связи с этим можно сказать, что *фактор круга общения является системообразующим*, т. к. его влияние не может быть изолированным.

Другим не менее важным моментом, существенно увеличивающим вероятность попадания в преступные группировки, является *накопление факторов*

риска. Чем больше факторов риска актуальны для того или иного подростка, тем более вероятным становится его попадание в преступное сообщество [35].

Иными словами, именно накопление различных факторов риска — негативного опыта и отсутствия ресурсов для развития как в семье, так и в школе — обрекает подростка на поиск значимых других «на улице» [6]. Социальное пространство улицы является системообразующим фактором риска подростковой делинквентности — в случае, когда референтная группа сверстников носит асоциальный характер, именно нормы и ценности «улицы» задают девиантную траекторию социализации.

The article is dedicated to the review of child and adolescents' gang involvement problem in contemporary studies. The analysis of multiple indicators of gang involvement among adolescents from different countries is also made. Different types of offences carried by gang members in different countries are reviewed. Risk factors of child and adolescent gang involvement are also studied.

Keywords: adolescents, gangs, deviant subculture, risk factors.

Литература

1. Антонян, Е. А. К вопросу о популяризации криминальной субкультуры среди молодежи / Е. А. Антонян, Е. А. Борисов // *Lex Russica*. — 2017. — № 12. — С. 180—186.
Antonjan, E. A. K voprosu o popularizacii kriminal'noj subkul'tury sredi molodezhi / E. A. Antonjan, E. A. Borisov // Lex Russica. — 2017. — № 12. — С. 180—186.
2. Гилинский, Я. И. Социальный контроль над девиантностью в современной России / Я. И. Гилинский. — СПб., 1998.
Gilinskij, Ja. I. Social'nyj kontrol' nad deviantnost'ju v sovremennoj Rossii / Ja. I. Gilinskij. — SPb., 1998.
3. Первова, И. Л. Асоциальное поведение детей и подростков / И. Л. Первова. — СПб., 1999.
Pervova, I. L. Asocial'noe povedenie detej i podrostkov / I. L. Pervova. — SPb., 1999.
4. Поливанова, К. Н. Современное родительство как предмет исследования [Электронный ресурс] / К. Н. Поливанова // *Психологическая наука и образование*. — 2015. — Т. 7, № 3. — С. 1—11. — doi: 10.17759/psyedu.2015070301
Polivanova, K. N. Sovremennoe roditel'stvo kak predmet issledovanija [Elektronnyj resurs] / K. N. Polivanova // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. — 2015. — Т. 7, № 3. — С. 1—11. — doi: 10.17759/psyedu.2015070301
5. Психология девиантности: дети, общество, закон / под ред. А. А. Реана. — М., 2016.
Psihologija deviantnosti: deti, obshhestvo, zakon / pod red. A. A. Reana. — M., 2016.
6. Реан, А. А. Профилактика агрессии и асоциальности несовершеннолетних / А. А. Реан // *Нац. психол. журн.* — 2018. — № 2. — С. 3—12.
Rean, A. A. Profilaktika agressii i asocial'nosti nesovershennoletnih / A. A. Rean // Nac. psihol. zhurn. — 2018. — № 2. — С. 3—12.
7. Салагаев, А. Л. Молодежные группировки — опыт пилотного исследования / А. Л. Салагаев, А. В. Шашкин // *Социол. исследования*. — 2004. — № 9. — С. 50—58.
Salagaev, A. L. Molodezhnye gruppirovki — opyt pilotnogo issledovanija / A. L. Salagaev, A. V. Shashkin // Sociol. issledovanija. — 2004. — № 9. — С. 50—58.
8. Семикашева, И. А. Социально-психологические особенности идентичности подростков — участников территориальных группировок : дис. ... канд. психол. наук / И. А. Семикашева. — Ульяновск, 2003.
Semikasheva, I. A. Social'no-psihologicheskie osobennosti identichnosti podrostkov — uchastnikov territorial'nyh gruppirovok : dis. ... kand. psihol. nauk / I. A. Semikasheva. — Ul'janovsk, 2003.
9. Ханипов, Р. А. Делинквентность: современные подростковые сообщества и насильственные практики / Р. А. Ханипов // *Социол. исследования*. — 2007. — № 12. — С. 95—103.
Hanipov, R. A. Delinkventnost': sovremennye podrostkovye soobshhestva i nasil'stvennye praktiki / R. A. Hanipov // Sociol. issledovanija. — 2007. — № 12. — С. 95—103.
10. Ханипов, Р. А. Подростково-молодежная делинквентность в современной России : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Р. А. Ханипов. — М., 2008.
Hanipov, R. A. Podrostkovo-molodezhnaja delinkventnost' v sovremennoj Rossii : avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk / R. A. Hanipov. — M., 2008.
11. Aldridge, J. Youth gangs in an English city : Social exclusion, drugs and violence / J. Aldridge, J. Medina, R. Ralphs // *Final Report to the ESRC*. — Manchester, 2008. — P. 14—24.

12. *Bennett, T.* Gang membership, drugs and crime in the UK / T. Bennett, K. Holloway // *British J. of Criminology*. — 2004. — Vol. 44, № 3. — P. 305—323.
13. *Berg, J.* An overview of crime in South Africa / J. Berg, I. Kinnes // *Criminologist*. — 2009. — Vol. 34, № 3. — P. 22—24.
14. *Bjerregaard, B.* Gender differences in gang participation, delinquency, and substance use / B. Bjerregaard, C. Smith // *J. of Quantitative Criminology*. — 1993. — Vol. 9, № 4. — P. 329—355.
15. Boys who join gangs : A prospective study of predictors of first gang entry / B. B. Lahey [et al.] // *J. of Abnormal Child Psychology*. — 1999. — Vol. 27, № 4. — P. 261—276.
16. *Bullock, K.* Shootings, gangs and violent incidents in Manchester : Developing a crime reduction strategy / K. Bullock, N. Tilley. — London, 2002.
17. Childhood risk factors for adolescent gang membership : Results from the Seattle Social Development Project / K. G. Hill [et al.] // *J. of Research in Crime and Delinquency*. — 1999. — Vol. 36, № 3. — P. 300—322.
18. *Covey, H. C.* Street gangs throughout the world / H. C. Covey. — Springfield : Charles C Thomas Publisher, 2010.
19. *Dauvergne, M.* Homicide in Canada, 2005 / M. Dauvergne, G. Li. — Canadian Centre for Justice Statistics, 2006.
20. *Decker, S.* Gang Violence Around the World : Context, Culture, and Country / S. Decker, D. Pyrooz // *Small Arms Survey*. — London, 2010. — P. 129—155.
21. *Decker, S.* Gangs, Terrorism, and Radicalization [Electronic resource] / S. Decker. — 2016. — Mode of access: <http://clhb.utep.edu/images/symposium4/DHS-Research-in-Brief-Decker--Web-Version.pdf>
22. *Dixon, B.* Gangs, PAGAD and the state : Vigilantism and revenge violence in the Western Cape / B. Dixon, L. M. Johns. — Centre for the Study of Violence and Reconciliation, 2001.
23. *Dukes, R. L.* Precursors and consequences of membership in youth gangs / R. L. Dukes, R. O. Martinez, J. A. Stein // *Youth and Society*. — 1997. — Vol. 29, № 2. — P. 139—165.
24. *Eittle, D.* Cumulative exposure to stressful life events and male gang membership / D. Eittle, S. Gunkel, K. Van Gundy // *J. of Criminal Justice*. — 2004. — Vol. 32, № 2. — P. 95—111.
25. *Esbensen, F. A.* Gang and non-gang youth : Differences in explanatory factors / F. A. Esbensen, D. Huizinga, A. W. Weiher // *J. of Contemporary Criminal Justice*. — 1993. — Vol. 9, № 2. — P. 94—116.
26. *Esbensen, F. A.* A multisite examination of youth gang membership : Does gender matter? / F. A. Esbensen, E. P. Deschenes // *Criminology*. — 1998. — Vol. 36, № 4. — P. 799—828.
27. *Esbensen, F. A.* Youth gangs and troublesome youth groups in the United States and the Netherlands : A cross-national comparison / F. A. Esbensen, F. M. Weerman // *European J. of Criminology*. — 2005. — Vol. 2, № 1. — P. 5—37.
28. EU Gangs Programme. Summative Research Report of Transnational Partner Research Responses [Electronic resource]. — 2014. — Mode of access: [https://ec.europa.eu/epale/sites/epale/files/ eu_gang_summative_report.pdf](https://ec.europa.eu/epale/sites/epale/files/eu_gang_summative_report.pdf)
29. *Fagan, J.* Intoxication and aggression / J. Fagan // *Crime and Justice*. — 1990. — Vol. 13. — P. 241—320.
30. Gangs and delinquency in developmental perspective / T. P. Thornberry [et al.]. — Cambridge University Press, 2003.
31. *Gatti, U.* Deviant youth groups in 30 countries : Results from the second international self-report delinquency study / U. Gatti, S. Haymoz, H. M. A. Schadee // *International Criminal Justice Review*. — 2011. — Vol. 21, № 3. — P. 208—224.
32. *Huizinga, D.* Gang membership in Bremen and Denver : Comparative longitudinal data / D. Huizinga, K. F. Schumann // *The Eurogang Paradox*. — Springer, Dordrecht, 2001. — P. 231—246.
33. *Jütersonke, O.* Gangs, urban violence, and security interventions in Central America / O. Jütersonke, R. Muggah, D. Rodgers // *Security Dialogue*. — 2009. — Vol. 40, № 4-5. — P. 373—397.
34. *Kent, D.* Cultural explanations for Vietnamese youth involvement in street gangs / D. Kent, G. Felkenes // *Gangs and Delinquency Research*. — Westminster, CA, 1998. — P. 1—92.
35. *Klein, M. W.* Gang Structures, Crime Patterns, and Police Responses / M. W. Klein, C. L. Maxson. — Los Angeles, 2006.
36. *Klein, M. W.* Street gang violence in Europe / M. W. Klein, F. M. Weerman, T. P. Thornberry // *European J. of Criminology*. — 2006. — Vol. 3, № 4. — P. 413—437.
37. *Kynoch, G.* From the Ninevites to the Hard Livings gang: township gangsters and urban violence in twentieth-century South Africa / G. Kynoch // *African Studies*. — 1999. — Vol. 58, № 1. — P. 55—85.
38. *Lo, T. W.* Traditional organized crime in the modern world : How triad societies respond to socioeconomic change / T. W. Lo, S. I. Kwok // *Traditional organized crime in the modern world*. — Springer, Boston, MA, 2012. — P. 67—89.
39. *Lo, T. W.* Working with Chinese Triad youth gangs: correct diagnosis and strategic intervention / T. W. Lo, H. L. Tam // *International J. of Offender Therapy and Comparative Criminology*. — 2018. — Vol. 62, № 12. — P. 3708—3726.

40. Maxson, C. L. Exploring youth violence risk and protective factors / C. L. Maxson, M. W. Klein, M. L. Whitlock. — Oxford, 1997.
41. Maxson, C. L. Joining the gang : Gender differences in risk factors for gang membership / C. L. Maxson, M. L. Whitlock // *Gangs in America*. — 2002. — Vol. 3. — P. 19–36.
42. Moritz, J. Blow dealt to city's 'Wild West' gangs [Electronic resource] / J. Moritz. — 2009. — Mode of access: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/7978653.stm
43. One of the guys : Girls, gangs, and gender / J. Miller [et al.]. — N. Y. : Oxford University Press, 2001.
44. Pyrooz, D. C. Delinquent behavior, violence, and gang involvement in China / D. C. Pyrooz, S. H. Decker // *J. of Quantitative Criminology*. — 2013. — Vol. 29, № 2. — P. 251–272.
45. Pyrooz, D. C. Gang membership between ages 5 and 17 years in the United States / D. C. Pyrooz, G. Sweeten // *J. of Adolescent Health*. — 2015. — Vol. 56, № 4. — P. 414–419.
46. Reckson, B. Exploration of the narrative accounts of South African teachers working in a gang-violent community in the Western Cape / B. Reckson, L. Becker // *International J. of Social Welfare*. — 2005. — Vol. 14, № 2. — P. 107–115.
47. Rodgers, D. Living in the shadow of death: gangs, violence and social order in urban Nicaragua, 1996–2002 / D. Rodgers // *J. of Latin American Studies*. — 2006. — Vol. 38, № 2. — P. 267–292.
48. Savoie, J. Crime statistics in Canada, 2001 / J. Savoie. — Canadian Centre for Justice Statistics, 2002.
49. Smith, D. J. Gang membership and teenage offending / D. J. Smith, P. Bradshaw. — Edinburgh : University of Edinburgh, Centre for Law and Society, 2005.
50. Subculture, gang involvement, and delinquency : A study of incarcerated youth in China / H. Zhang [et al.] // *Justice Quarterly*. — 2017. — Vol. 34, № 6. — P. 952–977.
51. The road to gang membership : Characteristics of male gang and nongang members from ages 10 to 14 / W. M. Craig [et al.] // *Social Development*. — 2002. — Vol. 11, № 1. — P. 53–68.
52. UNODC (United Nations Office on Drugs and Crime). *Crime and Development in Central America : Caught in the Crossfire*. — Vienna : United Nations, 2007.
53. White, R. Weapons are for wimps the social dynamics of ethnicity and violence in Australian gangs / R. White // *Street Gangs, Migration and Ethnicity*. — Cullompton, 2008. — P. 140.
54. Youth gangs, delinquency and drug use : A test of the selection, facilitation, and enhancement hypotheses / U. Gatti [et al.] // *J. of Child Psychology and Psychiatry*. — 2005. — Vol. 46, № 11. — P. 1178–1190.
55. Zhang, L. A critical review of recent literature on crime and criminal justice in China: research findings, challenges, and prospects (Introduction) / L. Zhang, S. F. Messner, J. Liu // *Crime, Law and Social Change*. — 2008. — Vol. 50, № 3. — P. 125–130.

И. Д. Егорычева

Самореализация на ранних этапах онтогенеза (к постановке проблемы)

В статье анализируется проблема генезиса самореализации в онтогенетическом аспекте. Делается попытка выявить базовые детерминанты самореализации, присущие человеку как родовые свойства: самость и субъектность. Акцентируется значимость развития отношений в саморазвитии.

Ключевые слова: самореализация, генезис самореализации, детерминанты самореализации, самость, субъектность, отношение, развитие в онтогенезе.

Проблема самореализации остается актуальной уже не одно десятилетие. Речь идет не только о научном интересе к теме, но и о внедрении идей самореализации в практику образовательного процесса, и не только через инициативу отдельных педагогов (новаторов, энтузиастов), но и посредством модернизации системы образования в целом, что получило отражение в целевых установках, зафиксированных в программных документах (федеральных государственных образовательных стандартах). Это, безусловно, позитивный момент, отражающий реалии современного мира, характеризующегося необходимостью признания (для выживания человечества) примата гуманистических ценностей (что автоматически повышает интерес науки и практики к феноменам, обозначаемым категорией «само-»), а также общей ситуацией неопределенности (которая выдвигает новые требования к человеку, способ-